

Глава 24 Самолично навлечённый позор

Разведчик дожидался снаружи. Увидев Сяо Жуна, он без утайки поведал всё, что ему удалось разузнать.

Воины Армии Чжэньбэй наткнулись на Сына Будды за стенами города Аньдин, когда тот как раз собирался войти в ворота. Аньдин — место глухое и захолустное, а после того как на него положили глаз кочевники сяньби, простые люди и вовсе боялись нос высунуть из дома. Путников в те края забредало немного, и с тех пор как Цюй Юньме, вняв советам советника, разослал людей на поиски, этот монах стал первым встреченным ими на тракте служителем культа.

Сяо Жун слушал, нахмутив брови: — Вы уверены, что это именно он? Каким именем он назвался?

Разведчик почесал затылок: — Сказал, что его буддийское имя — Мицзин.

Лишь тогда юноша улыбнулся: — Всё верно, это он. Рассказывай: как он выглядит? Каков он лицом, в каком расположении духа? Во что одет? Какое впечатление производит?

Собеседник замялся. Прослышав, что Сын Будды наконец объявился, он даже не присмотрелся к его облику — сразу погнал коня назад с донесением, так что в памяти почти ничего не отложилось. Однако, страшась упрёка, он напряг память до предела и выдал единственный пришедший на ум ответ: — Он производит впечатление человека весьма состоятельного.

Сяо Жун лишился дара речи.

«Странно... — пронеслось в его голове. — Разве он не провёл восемь лет в странствиях? По логике вещей, он должен был вконец обнищать, а тут, выходит, за годы странствий лишь разбогател?»

Молодой человек не мог найти этому объяснения, но и времени на раздумья не оставалось. Летнее затворничество — Жуся Аньцзюй — должно было начаться шестнадцатого числа четвёртого месяца, а сегодня было уже второе. Медлить нельзя — нужно было во что бы то ни стало пригласить Мицзина к ним.

К тому же, узнав, что перед ними тот самый монах, воины Армии Чжэньбэй попросту задержали его. Сяо Жун понимал: ему нужно спешить, иначе тот заподозрит их в дурных намерениях, и тогда все труды пойдут прахом.

С этой мыслью он тут же принял решение: — Живо двух коней! Я отправлюсь с тобой. Нужно лично пригласить Сына Будды.

Разведчик опешил и хотел было возразить, как вдруг за их спинами раздался зловещий, леденящий голос: — И куда это ты собрался «лично»?

Сяо Жун обернулся. Цюй Юньме стоял неподалёку; когда он успел подойти — бог весть. Позади него виднелся Цзянь Цяо, чьё лицо выражало крайнюю озабоченность.

Юноша захлопал ресницами и ответил: — В город Аньдин. Чтобы Сын Будды воочию убедился в искренности Армии Чжэньбэй.

— Искренности?! — вспыхнул Цюй Юньме. — Мои гвардейцы дожидались его столько дней — разве этого мало?!

Сяо Жун промолчал, лишь выразительно посмотрел на Великого вана, и этот взгляд был красноречивее любых слов.

— И... как же ты намерен туда добираться? — сквозь зубы спросил тот.

— Разумеется, на быстром скакуне, — улыбнулся юноша. — Нельзя заставлять почтенного наставника ждать.

Цюй Юньме потребовалось мгновение, чтобы осознать услышанное. Он смерил советника взглядом с головы до ног. — Тебе и ходить-то тяжело, а ты собрался проскакать шестьсот ли ради какого-то монаха? Да ты доберёшься туда либо мёртвым, либо калеккой!

Сяо Жун замер, на мгновение задумался и согласно кивнул: — Великий ван зрит в корень.

Чжэньбэй-ван самодовольно хмыкнул: — Мои слова всегда полны смысла.

— Что ж, — мягко произнёс юноша, — раз государь настаивает, я останусь здесь.

Ван покосился на него, находя его покладистость весьма уместной. Он уже собирался было снисходительно похвалить Сяо Жуна, как тот внезапно отвесил ему низкий поклон: — Раз я не могу ехать, придётся утрудить Великого вана и просить его отправиться вместо меня.

Цюй Юньме застыл, не веря собственным ушам. Ему не послышалось? Советник действительно предложил ему лично приглашать этого бритоголового?!

Однако Сяо Жун был предельно серьёзен. Подняв на вана исполненный торжественности взгляд, он произнёс: — По сравнению с вами мой статус — ничто. Если же государь придёт лично, Сын Будды увидит ваше почтение к мудрым мужам. Уверен, его сердце не останется равнодушным.

— Я не... — начал было Цюй Юньме.

Сяо Жун стремительно перебил его: — Лишь когда монах будет тронут, он станет служить Великому вану всей душой.

— Но я всё равно не...

— Неужели государь боится, что Сын Будды не окажет ему должного почтения? — вновь вклинился юноша.

Цюй Юньме осекся и в ярости воскликнул: — Да как он посмеет!

Он замолчал, поджав губы, и с нескрываемой обидой посмотрел на советника. Спустя мгновение он, словно назло, бросил через плечо: — Еду — так еду! Ведите моего коня!

Генерал Цзянь, всё это время стоявший позади, поспешно отдал приказ. Вскоре подвели фыркающего жеребца. Великий ван, чье лицо было темнее тучи, вскочил в седло. Несколько гвардейцев приготвились следовать за ним.

Государь уже натянул поводья, когда холодная, белая рука с длинными пальцами легла на его предплечье, останавливая движение.

Цюй Юньме посмотрел вниз. Сяо Жун стоял подле коня. Пусть он не был мал ростом, но под седлом вана был породистый скакун из Западного края — один из самых статных коней. Стоя на земле, Сяо Жун едва доставал взглядом до конской гривы.

Он поднял голову и искренне взглянул на Великого вана: — Прошу вас, не действуйте сгоряча. Что бы ни случилось, будьте милостивы к Сыну Будды.

Цюй Юньме скрипнул зубами. Раздражение бурлило в нём, но, подавив порыв, он всё же ответил: — Знаю.

С этими словами он высвободил руку. Юноша, поняв знак, поспешно отступил. Но ван не тронулся с места — он пристально смотрел под ноги Сяо Жуна.

Осознав, в чём дело, тот отошёл ещё на несколько шагов, туда, где пыль из-под копыт точно не коснулась бы его одежд. Лишь тогда Цюй Юньме отвернулся и с силой прищпорил коня. Под заливистое ржание отряд скрылся из виду.

Сяо Жун долго стоял на месте, молча глядя им вслед. Цзянь Цяо, чьё лицо всё ещё выражало тревогу, произнёс: — Кажется, государь отправился весьма неохотно.

— Это правда, — отозвался советник.

— Справится ли он? — в голосе генерала слышалось сомнение. — А ну как Мицзин скажет что-то не то? Не снесёт ли Великий ван ему голову в порыве гнева?

— Тут уж как боги рассудят, — вздохнул Сяо Жун.

Цзянь Цяо вздрогнул и в изумлении воззрился на него: — И после таких опасений вы позволили государю ехать одному?!

Юноша покосился на него: — Кто сказал, что он будет один? Великий ван поедет первым, а я последую за ним. Во-первых, что бы государь ни наговорил Сыну Будды, тот увидит — ван прибыл лично, а это дорогого стоит. Во-вторых, есть такой прием: сначала подавить, потом возвысить. Люди веры не жалуют таких, как наш ван, — тех, на чьих руках слишком много крови. Даже если он будет сиять в улыбке, предубеждение не исчезнет, а скорее возникнет подозрение в лицемерии. Куда лучше дать монаху увидеть истинную натуру государя, чтобы его ожидания упали до предела, а уж потом склонить его на нашу сторону. Ну и в-третьих... мне теперь не нужно спешить. Генерал Цзянь, та повозка, что вы подготовили для меня, ещё цела?

Цзянь Цяо лишился дара речи. Он беспомощно смотрел на Сяо Жуна: разговор так стремительно сменил русло, что он, простой воин, никак не мог уследить за ходом мыслей.

— Цела... Но господин Сяо, даже если вы поспешите в повозке, вы придёте лишь завтра. Великий ван же будет в Аньдине уже этой ночью. Вы не боитесь, что он не сдержит нрав?

Юноша вздохнул: — Потому я и просил его не действовать сгоряча. Не беспокойтесь: наш государь дорожит своим словом. Данного мне обещания хватит на день, а через день подоспею и я.

Цзянь Цяо окончательно признал поражение.

Советник просчитал каждый шаг. Но вот вопрос: откуда он знал, что ван явится именно сейчас? Ведь поначалу он и вправду собирался ехать верхом.

«Неужто он задумал всё это в тот самый миг, когда завидел государя?» — мелькнуло в голове генерала.

Не смея более перечить, он отправился готовить экипаж, и вскоре Сяо Жун тоже тронулся в путь.

Город Аньдин

Воины Армии Чжэньбэй не позволили Мицзину уйти, разместив его в городской гостинице. Под конвоем он поднялся по ступеням, ловя на себе испуганные и любопытные взгляды местных жителей.

Дверь закрылась, отсекая шепотки толпы и вежливую, но непреклонную стражу.

Мицзин чинно восседал на циновке в своих покоях, размеренно перебирая четки. Подобный приём он встречал не раз. Слава пришла к нему рано, и каждый правитель желал видеть его своим почётным гостем. Но на деле это означало лишь одно — желание воспользоваться его именем в своих корыстных целях.

Принцы, императоры, вожди усуней и даже духовные наставники Индии — теперь в этом списке появился и Чжэньбэй-ван.

Когда Мицзин покидал Чжуньюань, имя Цюй Юньме ещё не гремело повсюду. Однако за годы странствий он неустанно следил за переменами на родине. На обратном пути, проезжая через Кучу, Яньци и Шаньшань, он только и слышал, что о Великом ване Севера. Сын Будды прекрасно знал, на что способны этот человек и его армия.

Движение пальцев замерло. Монах разомкнул веки и обратил взор к двери. Солнце клонилось к закату. Четверть часа назад воины принесли постную трапезу, но он не притронулся к еде.

Мицзин услышал, как приближаются тяжелые, бесцеремонные шаги. В следующий миг дверь распахнулась с такой силой, будто была сделана из тонкой бумаги. Перед монахом предстал статный мужчина в черном платье. Его узкие глаза хищно прищурились, изучая гостя; во взгляде не было и тени дружелюбия.

Мицзин слегка поднял голову, встречая этот взор со спокойным достоинством.

Сяо Жун сидел в повозке, ощущая каждым суставом неровности тракта. Вцепившись в стенку экипажа, он с горечью размышлял, что при первой же возможности должен переделать эту колыхающуюся. Если при переносе столицы в Чэньлю ему придётся ехать в этом — а путь составит не шестьсот, а все полторы тысячи ли, — он попросту не выживет. Горы, реки... от одной мысли о такой дороге его начинало мутить.

Стоило ему об этом подумать, как колесо угодило в очередную выбоину. Юношу подбросило вверх, а затем с глухим стуком приложило об сиденье.

— ...

«Моя задница!»

Перед Цзянь Цяо он старался казаться невозмутимым, но, оказавшись в пути, первым же делом велел страже не щадить коней и гнать во весь опор.

Нрав Цюй Юньме он изучил достаточно хорошо, но истинную тревогу в нём вызывал сам Мицзин.

Расписывая достоинства Сына Будды государю и Гао Сюньчжи, он намеренно умалчивал о тёмных сторонах его натуры. Он говорил лишь то, что те хотели слышать.

Мицзин вовсе не был тем простодушным святым, каким его представляли многие. Для потомков он остался не только великим монахом, но и поэтом, литератором, политиком и философом.

И ключевым здесь было слово «политик».

Все верили, что он отправился в заморские страны ради паломничества и изучения сутр. На деле же он изучал устройство иных обществ, впитывая знания, которые намеревался применить в Чжуньюане. События восьмилетней давности научили его: одного чтения мантр мало. Он решил войти в игру самолично, ступив на политическую арену, куда прежде путь ему был заказан.

В истинной истории, будучи наставником юного императора, он перевернул двор Южной Юн вверх дном. Ловко лавируя между Сунь Жэньлуанем, канцлером Ян Цанъи, вдовствующей императрицей Сунь и юным Хэ Фу, он стравливал их и объединял ради своих целей. Благодаря сану монаха никто не смел открыто пойти против него, и он раз за разом добивался своего.

Не случись того безумного порыва Цюй Юньме, Сын Будды, вероятно, затмил бы самого Сунь Жэньлуаня. Но что могут интриги против стали? Когда Великий ван пронзил копьём юного государя, все многолетние труды Мицзина обратились в прах.

Ван питал ненависть к императорскому роду, но не к монаху, а потому оставил того в живых. Мицзин, прижимая к себе бездыханное тело воспитанника, впери в Чжэньбэй-вана неподвижный взгляд и произнес слова, ставшие легендой: «Тот, кто не терпит песчинки, сам будет отринут песком; ненавидящий Небо и Землю — будет ими же проклят».

Эти строки, вошедшие в «Цзю Юн Шу», позже анализировали сотни мудрецов. Большинство сходилось во мнении: Сын Будды уже тогда прозрел неизбежный крах Цюй Юньме. Причиной тому была крайность его натуры — неспособность прощать и ослепляющая страсть, что неизбежно ведёт к бездне.

Если отбросить витиеватые трактовки, то это было простое, полное горечи проклятие, которое позже сбылось. После гибели императора монах вернулся в обитель. Многие верили, что Великий ван пал именно из-за его слов, и почтение к Мицзину возросло стократно. Дунъян-ван позже молил его вернуться к делам мира, но получил отказ. Новые правители из клана Хань тоже звали его, но он остался непреклонен. Поговаривали, что смерть воспитанника разбила ему сердце. В конце концов, даже гении — всего лишь люди, а Сын Будды всегда был горделив и удачлив. Столь сокрушительное поражение не могло пройти бесследно.

Он прожил в монастыре ещё шестьдесят лет, не оставив ни учеников, ни записей о тех годах. Он ушёл в девяносто, словно его и не было в этом мире. Печальный финал: жизнь, начавшаяся ослепительным фейерверком, закончилась безмолвной пустотой ночного неба, оставляя лишь долгий вздох сожаления в сердцах людей.

Сяо Жун всегда питал больше симпатии к Мицзину, чем к вечно ошибающемуся Цюй Юньме, но теперь его взгляд на вещи утратил былую наивность. У монаха были свои чаяния, и они могли пойти вразрез с планами самого советника. Ему была нужна помощь этого человека, но он не хотел нажить себе лишних хлопот.

При этой мысли Сяо Жун поймал себя на том, что... почти соскучился по своему прямолинейному государю.

Всё же Великий ван был проще: все мысли — на лице, всё сердце — на ладони. Его легко было успокоить, легко направить. Одно удовольствие водить такого за нос.

«Эх... — вздохнул юноша. — Если бы только все в этом мире были столь же простодушны, как Великий ван»

Цюй Юньме пробыл в покоях Мицзина не более четверти часа. Дверь вновь распахнулась, и он вышел, не скрывая раздражения.

Гвардейцы, заметив помрачневшее лицо господина, робко осведомились: — Великий ван, неужто Сын Будды не желает следовать за вами?

Цюй Юньме промолчал. У него не было ни малейшего желания говорить. Да монах не то что не желал ехать — он и пары слов из себя не выдавил! Ван, помня наставления Сяо Жуна, старался быть вежливым, расспрашивал о странствиях, а в ответ слышал лишь скупые «Да», «Хорошо», «Всё так».

Государь уже год носил титул вана и навидался всякого; он даже при императорском дворе когда-то бывал и знал, что такое вежливый отказ.

Он стиснул зубы. Гнев закипал в нём, но до рукоприкладства дело не дошло — речи Сяо Жуна слишком глубоко засели в его голове. Как бы он ни невзлюбил этого монаха, он осознавал его важность.

Советник и не подозревал, сколь послушным окажется его государь. Знай он об этом, не тратил бы столько сил на уговоры.

Спустились сумерки. Цюй Юньме устроился на ночлег в соседних покоях, решив попытать удачу наутро. Лежа в темноте и подложив руку под голову, он вспоминал безмолвную, но непоколебимую уверенность Мицзина. Губы вана исказила холодная усмешка.

«Бог любит троицу. Я приду к нему ещё дважды. Если и тогда он будет так же задирать нос — терпению моему придёт конец. Велю связать его и увезти силой»

Он помнил фразу, случайно оброненную Сяо Жуном: даже если Сын Будды не будет служить им, он не должен служить никому иному. И это, судя по всему, было последним пределом юноши.

Следовательно, Сяо Жун ценил монаха, но не считал его незаменимым. Если ожидания не оправдаются, он первым же отбросит церемонии.

А вот он, Цюй Юньме, был для советника единственным, за кем тот готов был следовать.

С этой приятной мыслью Великий ван уснул. Во сне он даже едва слышно рассмеялся и, перевернувшись на бок, захрапел сном праведника.

В ту ночь покой обрел лишь беспечный государь. Мицзин, гадая, как отделаться от гостя, не сомкнул глаз, а Сяо Жун в тесноте повозки не мог даже забыться дремой.

Лишь к полудню юноша добрался до места. Гвардейцы проводили его к гостинице, но стоило ему ступить на порог, как накатила знакомая дурнота.

Сяо Жун инстинктивно ухватился за косяк двери.

«Плохо дело...»

Он поспешил наверх.

Стража, следовавшая за ним, замерла от ужаса: господин Сяо обеими руками вцепился в

перила и покачивался на каждом шагу, словно вот-вот сорвётся вниз.

Преодолевая головокружение, он добрался до дверей Мицзина как раз в тот миг, когда оттуда донёлся голос Цюй Юньме: — Ты сам напротился! Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому!

За дверью ван произнёс это веско и грозно, но в ту же секунду створки распахнулись. Великий ван обернулся, и его лицо мгновенно окаменело. Он ведь только вчера обещал быть милостивым...

Мицзин первым поднял взгляд. Увидев в дверях человека, чья красота могла бы затмить принцессу Кучи, он на мгновение замер. Затем перевёл взор на Цюй Юньме, который внезапно замолчал.

Ван смотрел на незваного гостя. Прошло немало времени, прежде чем он, несколько растеряв былую уверенность, спросил: — Ты как здесь оказался?

Заметив же, сколь бледен и изнурён пришедший, он вновь обрёл голос: — С чего ты такой серый лицом?! Неужто скакал всю ночь напролёт?!

Сяо Жун тяжело дышал. Мазнув взглядом по вану, он проигнорировал все его вопросы и уставился на Сына Будды. И тот в ответ смотрел на него с не меньшим изумлением.

Мицзин был облачён в серые монашеские одежды — просторные, с широким запахом, — которые почти не отличались от мирского платья того времени, разве что цветом были скромнее и лишены узоров.

Под серым верхним одеянием виднелось белое исподнее. Монах сидел безупречно прямо; на шее его висели длинные чётки, в руках он держал короткие. Взор его был ясен, а облик — свеж и благороден. Волос на голове, разумеется, не было, но, поскольку в те времена обряда прижигания шрамов ещё не существовало, Мицзин был просто гладко выбрит.

Видать, он долго был в пути — на макушке уже проступила темная щетина.

Красив лицом, идеален формой головы... Отсутствие волос не только не портило его, но и придавало облику особую утонченность. Юноша видел, что даже сидя этот мужчина кажется высоким и стройным, а уж эта аура спокойствия, что он излучал...

Сяо Жун внезапно засомневался: а не были ли слухи о его связи с вдовствующей императрицей Сунь правдой, а не вымыслом историков? Глядя на такого Мицзина, он понимал — устоять перед ним было невозможно.

Затянувшаяся пауза заставила монаха почувствовать неловкость. Цюй Юньме же, и вовсе позабытый, чувствовал себя ещё хуже — в его глазах уже плясало пламя гнева. — Сяо Жун!!!

От этого крика у советника зазвенело в ушах. Он и так был раздосадован поведением вана, а потому мгновенно парировал: — Великий ван, к чему этот шум?

— Да ты... — Цюй Юньме задохнулся от возмущения. Он был вне себя, но, встретившись с решительным взглядом юноши, не нашёл слов. Убить его? Невозможно. Ударить? Не посмеет — Сяо Жун казался хрупким фарфором, к которому и прикоснуться-то страшно. Отругать? А смысл... только навлекать на себя лишний позор.

К тому же здесь был Мицзин, и выставять себя на посмешище перед чужаком вану не хотелось.

Цюй Юньме невольно взглянул на монаха и обнаружил, что тот смотрит на него с явным недоумением. Ван замялся, не зная, что сказать. Сяо Жун, проследив за его взглядом, тоже обратился к Сыну Будды.

Оставив обиду, юноша произнёс, обращаясь к вану: — Я всё же не смог усидеть на месте, зная, что государь поехал один, и взял на себя смелость последовать за вами. Вижу, беседа не заладилась. Позвольте мне переговорить с Сыном Будды? Я имею некоторое представление о сутрах и хотел бы обсудить их с почтенным наставником.

Пусть Сяо Жун не просил его уйти прямо, Цюй Юньме понял намек: его просили оставить их наедине. Ван поджал губы, перевёл взгляд с монаха, который вновь смиренно опустил голову, на советника, ожидавшего ответа.

Цюй Юньме помолчал, а затем с вызовом уселся обратно на циновку: — Говорите. Считайте, что меня здесь нет.

Сяо Жун: — ...

<http://bllate.org/book/15355/1420303>